

Валерий Сухарев

Я заблуждаюсь

* * *

Две жизни терпких на моей ладони,
две женщины разноименной масти,
невыносимо пристальные, брезгливы,
качающие кошек под предсердьем.

И те, кто оцарапают мгновение,
когда оно случайно или зряшно...
Я знаю эти коготки свиданий
и сумочку забытую нарощно.

И кошки повадки тоже знаю
(и что помаду лепят вам на щеки,
печатая бессмертную дугу,
в летучем поцелуе, – сумасшедший,

гневливый подставлятель щек); я знаю,
как пальцев паучьиные разбеги, –
свое плетя, – снимают пыль колгот...
Была на даче кошка – Анемона.

Spell Б. Юзефпольской

в моем школьном и папином австрийском портфеле пахло кедами и бутербродами и мне поутру еле-еле хотелось идти в особняк в стиле модерн в прошлом – девиц благородных пансион и я там учился не увидав девичьих лиц

но там были другие и тоже девичьи струящиеся ноги по невероятным мраморным печеньям ступеней в крошечное дело чердака где много чего отсвечивая и гудя из «о» чердака (дважды в одной строке и дважды ноль) запылилось там на века

и пепел лет лег на веки мои наверное я был там как вий а вурдалаками – орясины и я что-то мычал тогда о любви а сам сделал так что ты словно на миг замерла и умерла выпадающая или точнее скользкая из объятий и пыль плыла

по световому лучу чувственности и так беззащитны были твои кружевные восьмеркою на лодыжках и уже объявили о страшной и пугливой радости – быть – но не подругам и не маме и бабушке в совместной их читательной в дому тишине

зачем я вспомнил тебя может тебя давно уже нет и биг эплл сожрал твоё сердце и вывистел душу и ты на миг

над проливом вися вспомнила этот чердак и в словах бардак
и меня вне закона патлатого и если ты есть ты как?

это не школьных анналов зовы и зевы лет за тридцать годов лет
я знаю кого уже нет имена не мемориал в чашобах моей мнемозины свет
советской лампочки ильича озирает аспидность доски и крохкий мел
и всегда сухую тряпку и сонно в окне урок английского sukharev spell

Транзит

О. Губарю

я заблудился в балтийском море по колени совсем туда
зашед думалось бо скоро вброд к финнам а дальше что
не тресковая и не шпротная схожа с бельмом молчаливая вода
дело в липком июне было и в спазматических небесах решето

пропускало случайные звезды и скулила подруга мол
если к этим замедленным бегунам то я водку и золотого
продам им чтобы нам чего съесть и далекий маяк как дырокол
компостирировал зрачки уплотняя зренья и было намолото

титанами хтонических лет побережье все в свалявшихся волосах не русалок а дев которых некуда деть и мои душевные закрома напоминали мне же кромку февральского льда на карнизе и пах йодом и вечностью горизонт этой балтийской воды сводящей с ума

и то ли хотелось холодных советских котлет а то ли водки без гмо и глазастой нефти и кабачковой икры нескромного цвета и в забубенном ионикасе под вечер полная местный ликбез купить в крохотном местном магазине глобус мой и чужие твои

мысли вращая пальцем и стали на время даже материками случайно общими и ты урча ела плацанду тек унылый жир и валилось из рук мяско вот ела провозжая текучие огни авто вдоль трассы ты лучше меня никогда не обними а то вытрешь пальцы не о полотенце а в душе невольно напачкаешь и дела

мне до тебя нетути мне в каунас а тебе куда-то жирная как гусеница ночная прохлада с волосками дерев и кустов трепещет вдогон тяжким дальнобойщикам и накрапывает и мне твоего смазанного лица не разглядеть ты выкурила все мои сигареты и гроза в небесах как тромбон

хорошо в чужих краях налегке с рюкзаком где планшет потеет и до местного вай фая километры накатанной трассы и потустороннее тихо так наборматывает слева и справа что здесь и сойти с ума и что не тут твой дом и подруга со страшными млечными взорами над асфальтом повисла и брак

местности в кругу мерцательных озер бормотал ты уходи отсюда ты не прислушивайся к нордам над головой и ешь и пей только взятое и эта сущность что рядом стояла прошла сквозь автомобиль за озерцом кресты мазовецкие и гипсовые ангелы и там часовенка в струпах с распятием

тогда у меня на душе был менделеевский чемодан и его же жидкость в запасе так подбирая слова к своей судьбе вдруг остановишься указательный в небо и ничего не грянули апокалипсисы и нет небесных тромбонов с геликонами и в касе закрытой навечно ничего и трассы что твои порванные в портмоне рубли такой наив

я распространяю что хочется вяло на обширные гималаи в офшорные зоны для заблудших и узнающих себя по загранпаспорту несчастных призраков века не допускайте меня пожалуйста ни к кому я вас не люблю и бак корабля мили меля глубоко садится в волну сморкаясь и деревцо у библиотеки где у косяка силуэт имярека

Глядя в бинокль

Вприсядку, словно гексаметр нетрезвого грека,
дурная волна ходит вдоль пирса, на нем человека
не замечая, хоть пой, хоть изгой; человеку полвека.

Стоит человек, не тянет рыб из глубин, листает
диопротриями простор, а иногда из расхристанной стаи
чаек баклана выцепит взором; последний растает

в новом весеннем небе, где уже пробный дымок
первого катера порожняком; человек в общем продрог,
но согрелся глотком и дальше стоит, как на распяты́е дорог

скифское идолище, бессознательный истукан,
что рассыплется в этом столетии, канув в карман
времени мятой купюрой; по песку наяривает доberman.

Ничего-то нет у него, ни понюшки, кроме кола и двора,
и женских сложных любовью да спазмов сердечных; пора
задуматься о высях и далях грядущих, только кора

его мозга мнительного настолько схожа стала с корой
каштана, глаза – с кошачьими, мысли – со снами, что ему порой
не вырвать себя из жужжащей жизни окрест; и он совсем не герой

и не жертва романа, дней и систем, он частнее любого лица,
лица как такового, как виньетки; и если его начать с конца,
то получится палиндромон с оксюморон – от старца и до юнца.

И если тебе вдруг захочется его просто так обнять, –
он не осыпется штукатуркой, не растворится и вспять
не попятится, он с благодарностью будет на пирсе ждать.

Ему, как и тебе, некуда плыть и себя неохота куда-то девать – ни в палестины чужие, ни на родные галеры, ни под кровати или на пухлое облако с подогревом, где с ангелами горевать.

Ни длинно, ни коротко, и никак – жизнь вполне не удалась, с точки зрения мастных больших величин; и легшую мазь не переменить и не переиграть, – так что стой себе власть.

Старое новоселье

Снова снова зрчком по полкам и корешкам, книги приветливо шурились, тихо свое храня; пространство комнаты она прибирала к рукам несколько раз за единый день; и такого меня,

наблюдавшего, волновало – как и зачем она что-то меняет по мелочам и на свой манер, и как, отзываясь, сбивается занавески волна, и как я сижу на диване – буддийский юннат; и мер

никаких не принимает мой свитер, подушку обнял, штаны подвернули ноги – словно кто-то грянулся с высоты, упал плашмя, лежит и умер; и уже вечереет, и всюду видны гаргульи предметов в тени, и ночник бледен, точно опал.

Вторжение жизни в жизнь, вполетание речи в речь...
Все это ни к чему, как обычно, но идет своим чередом;
я не мешаю пыли лежать, звучать голосу, воздуху течь;
и если она – гоморра плоти, тогда я – задушевный содом.

И становясь обуюдной, жизнь пыталась срастись
в единое, переплестись, наподобье ствола и лианы;
менялась зарею заря, и пыль опять поднималась ввысь,
сметаема смелым тряпьем, но штаны и не вставали с дивана.

Лавра

Е. Ж.

Храмовые кресты на фоне осеннего вечера,
гуляют небом грачи; туристы от нечего
делать – снимаются с певчими,
раскупают иконки и монастырские пирожки;
ветер взбивает листву по правилу правой руки,
и за витражами горят свеч огоньки.

И я, подветренный странник, жуя с капустой,
гляжу, как над Днепром фиолетово, желто и густо
гаснет заря, высвечивая захолустье
мыслей, довольно случайных; надвратный
храм запирают, и я ухожу в приватный
сумрак Киева, рыже-бардовый и ватный.

